

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

**Читайте романы Н. Мирониной
в серии «Счастливый билет»:**

Куколка для Немезиды
Трудное счастье Калипсо
Дочь мадам Бовари
Отказать Пигмалиону
Невеста Всадника без головы
Новая хозяйка собаки Баскервильей
Третий брак бедной Лизы
Завтрак для Маленького принца
Свадебное платье мисс Холмс
Дети капитана Гранина
Свадьба собаки на сене
Немного солнца для Скарлетт

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Ошибка дамы с собачкой

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии *А. Марычева*

Миронина, Наталия.

М64 Ошибка дамы с собачкой : [роман] / Наталия Миронина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.— (Счастливый билет. Романы Н. Мирониной).

ISBN 978-5-699-95808-5

В разгар сезона Анна приехала на Рижское взморье. И совсем не за тем, чтобы завести курортный роман. Она приехала... за собственными воспоминаниями. Давным-давно Анна покинула эти места, убежав от любви, которую хотела забыть. Но вина за совершенную когда-то ошибку жгла ее все эти годы, не давала возможности ни с одним мужчиной создать прочные отношения... И вот теперь, предаваясь воспоминаниям и анализируя былое, Анна встречает того самого первого возлюбленного. Случай? Совпадение? Или это судьба дает возможность исправить давнюю ошибку?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронина Н., 2017
ISBN 978-5-699-95808-5 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

— То есть вы женщина одинокая? — Собеседница посмотрела на Анну сквозь очки в массивной оправе.

Собеседование длилось уже сорок минут, и чем дальше, тем неприятнее становились формулировки.

— Сложно назвать одиноким человека, который имеет дочь, зятя, внучку. — Анна улыбнулась и добавила: — И морскую свинку.

— Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

— Не понимаю. — Анна честными глазами посмотрела на чиновницу.

— Речь идет о вашем семейном статусе.

— Ах об этом! Да, в браке я не состою.

— Это может быть причиной, по которой вам откажут в визе.

— Жаль.

— Мы должны очень внимательно относиться к тем, кто въезжает к нам в страну...

Анна уже не слушала чиновницу. Та, в своих очках, сером костюме и маленьким платочком на шее, была точной копией тех дам, с которыми Анна уже имела дело в некоторых посольствах. Мало того что они внешне были похожи,

Ошибка дамы с собачкой

но и вели все они себя одинаково, — так, словно с линейкой в руках охраняли вазочку с вареньем. Только потянешься ложкой к вазочке, а они тут как тут — бац, прямо по рукам. И уже не хотелось варенья, потому что можно было съесть конфету или торт, которые с линейкой никто не сторожил. Так случилось и сейчас. «Ну, в конце концов, я проведу отпуск на даче, а осенью поеду в Италию. Там в посольстве никаких проблем. Да и туристов будет не так много, и жара спадет. По музеям схожу», — подумала Анна, улыбнулась посольской чиновнице и произнесла на отличном латышском:

— Прошу прощения, если ко мне нет вопросов, вынуждена откланяться.

Торжествуя небольшую моральную победу и не обращая внимания на даму, Анна легко поднялась, собрала все свои бумаги и вышла из посольства.

Ей было жаль потраченного времени и ехать уже никуда не хотелось. Более того, Анна не понимала, как ей вообще могла прийти такая безумная мысль: все бросить и в разгар сезона отправиться в Юрмалу. С детских лет, которые она провела на их старенькой даче в Лиелупе, Анна знала, что июль на Взморье — это «курортное безумие». «Ну откажут в визе, и слава богу! Огурцы надо засолить, цветами заняться да и просто вечером на собственной веранде с книжкой посидеть. А то ведь времени на это не хватает!» — еще раз успокоила себя Анна.

Выйдя из прохладного здания на летний солнцепек, она на минуту замешкалась. Час был срав-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

нительно ранним, день свободным, а потому спешить не хотелось. Анна прошла по переулку, вывернула на Мясницкую улицу и направилась на бульвар. «Если ты хочешь узнать город, то должен посмотреть на него в будни, часов в одиннадцать утра. Вот как сейчас!» — думала она. И действительно, московский воздух был свеж, бульвар просторен и на его скамеечках не было праздных личностей с пивом, не галдели туристы, не высыпали на обеденный перерыв служащие близлежащих контор. В этот час было уютно, чисто и как-то особенно спокойно. Анна шла и старалась не особенно расстраиваться. Эту поездку на море она планировала давно. И долго. Анна каждый год собиралась посмотреть родные места, но обязательно случалось что-то, что переворачивало все планы. И вот сейчас, когда уже прошло тридцать два года, когда откладывать задуманное было глупо, да и страшно, вот именно сейчас оказалось, что ее семейное положение может быть помехой планам. «Это просто смешно! — возмущалась про себя Анна. — Можно подумать, я молодая женщина, которая норовит выскочить замуж за латыша и получить гражданство! Нет, конечно, это с некоторой точки зрения лестно. Но и глупо! А как хочется оказаться там, на море...» Анна сокрушалась, но то обстоятельство, что долгие годы планы оставались лишь планами, что ничего реального за ними не маячило, не предпринималось никаких конкретных шагов, не позволяло возможному консульскому отказу превратиться во что-то фатальное. «А, ладно! До сих пор не съездила, зна-

Ошибка дамы с собачкой

чит, не судьба!» — наконец уговорила себя Анна. Она дошла до конца бульвара и тем самым поставила точку в огорчениях.

— Ну, как наши «соседи»? Милостивы были к просителям?! — В вопросе чувствовалась насмешка. Дочь Наталья не понимала материнского стремления посетить места детства и юности.

— Увы, они сочли меня слишком молодой. Побоялись, что я закручу там роман. И останусь в их стране, выйдя замуж.

— Это же отлично! — рассмеялась Наталья.

— Что именно?

— Что ты еще производишь такое впечатление, мама.

— Ах да мне какая разница!

— Большая, ты просто еще это и не осознала. — Наталья что-то выхватила из холодильника и быстро проглотила.

— Подожди, я тебя сейчас покормлю.

— Нет, спасибо, я не голодная, — отмахнулась дочь.

Никто из домашних никогда не видел Наталью сидящей за столом перед тарелкой. Она предпочитала есть на ходу, на бегу, стоя. Чем безумно раздражала мать.

— И потом, мам, посуди сама, — Наталья опять нырнула с головой в холодильник, — сама подумай, зачем платить деньги недружественной стороне. Причем настолько недружественной, что она позволяет себе ремарки по поводу твоего семейного положения. Это прямое вмешательство

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

в личную жизнь. Ты же туда поедешь, потратишь свои сбережения, а они перед этим тебя еще и унижат.

— Ничего ты не понимаешь, я еду за воспоминаниями, за прошлым, — мечтательно вздохнула Анна. — Я еду по душевной необходимости, а не тратить деньги.

— Видишь ли, в данном случае это все совпадает.

— Наташа, при чем тут все это?! Я хотела всего лишь пройтись по улицам, где жила в детстве и юности, — возмутилась Анна.

— Мама, жизни вне политики быть не может, — назидательно провозгласила дочь, дожевывая украденный из холодильника сырник, и стала прощаться. — Ну пока. Мне надо бежать. Ты не переживай, что-нибудь придумаем мы с твоим отпуском. Хотя я даже не понимаю, отчего так можно расстраиваться. Понимаешь, прошлое — это очень коварная штука. Почти ящик Пандоры.

Анна не смогла сдержать ироничной улыбки. Рассуждения дочери прозвучали очень трогательно и наивно. Впрочем, доля истины в них была.

— Не надо ничего придумывать, — наконец ответила Анна, — проведу отпуск на даче. Дел полно. Вы же думаете, что, кроме шашлыков, там заняться нечем!

— А что, есть?! — почти искренне удивилась дочь.

В действительности Наталья была серьезной и ответственной молодой женщиной. Она ни разу за все время не скинула маленькую дочку на бабуш-

кины руки, умело сочетая работу с воспитанием ребенка и получением высшего образования. На даче, где признанной хозяйкой была Анна, дочь старательно сажала цветы, а мужа заставляла стричь газон.

Анна вздрогнула от громкого хлопка двери — дочь все делала внушительно. Потом подошла к окну и проводила ее взглядом, налила себе большую чашку кофе и устроилась на диване. Сегодня у Анны был выходной, и он еще не закончился. А потому она с удовольствием мысленно представит, что было бы, если визу бы все-таки дали. Анне вдруг очень захотелось прямо сейчас сесть в поезд, вдохнуть запах угольной смеси, которой до сих пор топят некоторые вагоны, и, прижавшись лбом к холодному стеклу, провожать взглядом проплывающие мимо пейзажи.

Глава первая

ОНА, ОНИ И СОБАКА

Анна Петровна Субботина слыла человеком строгим и резким, уважающим прежде всего дисциплину и принципы. Еще Анна Петровна слыла человеком с очень сложным и непредсказуемым характером. Коллеги старались обходить ее стороной. Им казалось, что так они добьются сразу двух целей: избавят себя от неприятностей в виде колких замечаний и насолят той, которая так любит их задевать. Правда, никто из коллег не догадывался, что некоторая изоляция очень устраивает Анну Петровну. Она никогда не стремилась к тесному общению и уж тем более к дружбе. Для откровенных разговоров у нее была одна-единственная подруга Ира Покровская, с которой Анна встречалась раз в месяц, а по телефону разговаривала не чаще одного раза в неделю. С остальными, кто был рядом, она поддерживала поверхностные вежливые отношения. В сложившейся так ситуации была определенная несправедливость: Анна Петровна при всей внешней жесткости была человеком добрым, снисходительным и очень милосердным. А характер ее последней работы на все это отложил свой отпечаток: вышеуказанные свойства усилились и дополнились

Ошибка дамы с собачкой

великодушием и нежностью. Так случается, когда деятельность человека сводит его с природой. Той самой стихией, которая делает душу податливой и восприимчивой к красоте всякого рода. Впрочем, это было внутри, глубоко в душе. Внешне у Анны проскальзывала жесткость нрава, как ни старалась она контролировать поведение.

— Ма, ты мне напоминаешь хирургическую медсестру. Им на работе жалеть людей запрещено. Они жесткие, но милосердные, — как-то сказала ей дочь.

Анна обиделась и высказалась так:

— Ты молода, чтобы такие вещи мне говорить. А самое главное, молода, чтобы такие выводы делать.

После этой фразы последовал трехдневный бойкот. Мать и дочь даже не перезванивались. Третьим судьей выступил зять.

— Наташа, — сказал он жене, — ты должна первая маме позвонить. Ты ее обидела.

— А что я такого сказала?! — искренне удивилась Наташа. — Я, наоборот, похвалила ее!

— Не выдумывай! Ты обвинила ее в жестокосердии. Любому это неприятно слышать, а уж маме и подавно!

Одновременно с уговорами Натальи зять предпринял шаги по смягчению тещи:

— Анна Петровна! Наташа так переживает, что неудачно высказалась! Вы поговорите с ней, она ведь ничего не хотела сказать плохого!

— А вы что, в курсе наших с ней разговоров?! Вы с ней обсуждаете, что между мной и моей до-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

черью происходит?! — получил в ответ заботливый зять.

— Нет, не обсуждаем... — растерялся тот, — просто нехорошо, когда в семье ссоры.

Вряд ли на Анну Петровну подействовал звонок зятя, скорее всего, взяли верх любовь и снисходительность, да и обида к этому времени улеглась. Анна знала, что дочь у нее выросла хорошая. Так что она позвонила первой, несказанно обрадовав дочь.

Как бы то ни было, с людьми Анна могла сходитья легко, но не усердствовала в этом: одиночество она любила, помимо всего прочего, за возможность быть внимательной к себе.

Когда-то давно она чуть не поссорилась с лучшей и единственной подругой Ирой Покровской.

— Ты с ума сошла?! Ты зачем выходишь замуж за этого Игоря?! — кричала на Анну Ира. — Ты зачем себе жизнь портишь?! И ему заодно?!

— Да почему же порчу?! — спрашивала несвойственным ей неуверенным тоном Анна.

— Да потому! — кричала в ответ Покровская. Подруга никак не могла набраться решимости и сказать, что нельзя выходить замуж только потому, что «уже пора!». И уж тем более нельзя выходить замуж, потому что «удобно».

— Аня, ну хоть немного надо любить! — наконец воскликнула Покровская.

На что Анна, опомнившаяся от растерянности, жестко ответила:

Ошибка дамы с собачкой

— Можно и без любви. Можно просто по согласию.

Подруга Покровская только развела руками.

Да, замуж по тогдашним меркам Анна выходила поздно — в двадцать шесть лет. И, да, особо не любила она своего будущего мужа.

Окончив университет, она пришла работать по распределению в научно-исследовательский институт. А там сидел он, Игорь, — не особо приметный, тихий, ничем ни выдающийся мужчина тридцати пяти годов от роду.

Нельзя сказать, что Анна стремилась сделать карьеру или выдвинуться по общественной линии (тогда это было очень модно). Анна просто предпочитала делать все основательно, а это требовало времени и усилий. Коллеги быстро поняли, что поручить все неприятное и утомительное можно ей, вчерашней студентке. И она не подведет. Первое время Анне некогда было даже обедать, столько заданий ей давали и столько всего «ответственного» ей поручали. За спиной посмеивались такой безотказности, но вскоре случилось так, что в лаборатории без нее невозможно было решить ни один вопрос, поскольку она, обремененная чужими задачами, теперь знала все и была в курсе всего. Впрочем, эта история обычная, так иногда серенькая тихоня-секретарша становится «генералом».

— Слушай, как ты все успеваешь? — спросил ее однажды тот самый тихий и молчаливый младший научный сотрудник.

— Нет ничего сложного в этом. Составляй план на день, записывай все результаты, будь

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

пунктуален. Меньше времени тратить на разговоры, — отрывисто ответила Анна. Она терпеть не могла этого стандартного «лабораторно-научного» времяпрепровождения — болтовни по разнообразным поводам с глубокомысленным видом.

Младший научный сотрудник пожал плечами и отошел. Анна была достаточно резка, он же легко смущался и пасовал, чувствуя энергичность натуры. «Какого черта я с ним так резко? Человек вроде не приставучий», — подумала тогда Анна. На следующий день она подошла к Игорю и предложила пойти пообедать.

— Я не обедаю, — ответил тот, не отрываясь от осциллографа.

— Почему? — спросила Анна и тут же пожалела. Не в ее правилах было уточнять что-либо.

— Не люблю толчею в столовке. Пристают все с вопросами, галдят.

Это Анна выслушала уже с интересом. Она точно по той же причине не любила это место и старалась туда ходить как можно позже. Впрочем, это не спасало, всегда находились те, кто нависал над столом и начинал рассказывать институтские байки.

— Слушай, давай перекусим у реки. Погода хорошая. Там никого нет. Тихо, — предложила она.

Их институт находился на Воробьевых горах, неподалеку от Ленинского проспекта, на территории старого поместья, со множеством строений в стиле неоклассицизма. Поместье было выстроено еще в девятнадцатом веке и имело все приметы